

ТУРЕЦКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВЛИЯНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Цибенко В.В., кандидат исторических наук,
директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований
Южного федерального университета

Ключевые слова: Турция; мусульманский «актив»; типология имамов; духовное управление; мусульманская община; религиозное образование.

В статье анализируется турецкое религиозное влияние на развитие башкирского ислама на рубеже XX-XXI вв.

В. Цибенко рассматривает исламское возрождение в Башкирии в контексте этнополитической ситуации. Башкортостан - национальная республика с тремя преобладающими этническими группами - русские, башкиры и татары. Этнополитическую систему Башкортостана отличает регулирование властями этносоциальной стратификации. При этом в рамках развития башкирского национального проекта (этнического национализма) поддерживается высокая степень мобилизации башкирской идентичности. До 2000-х годов религия (ислам) не являлась фактором серьезной трансформации этнополитических процессов ввиду нескольких причин. Во-первых, значимую роль сыграла высокая степень секуляризации и прерванность религиозной традиции в Башкирии, что было во многом обусловлено стремительными темпами урбанизации и промышленного развития региона в советское время. Во-вторых, ислам в Башкортостане, в отличие от соседнего Татарстана, не смог стать частью национальной идентичности, инструментально поддерживая этничность. И башкиры, и татары относятся к так называемым этническим мусульманам, что не позволяет религиозной идентичности в республике стать основополагающим маркером этнических различий. В совокупности это привело к тому, что политизации религиозной идентичности на республиканском уровне не произошло. Напротив, власти официально подчеркивали свой светский характер и равную дистанцию от всех конфессий.

Нежелание властей делать ставку на религиозную идентичность связано также с исторически обусловленной малой укорененностью ислама в среде башкир в сравнении с татарами и сложившейся практикой формирования религиозного духовенства из числа татар. Поскольку с XVIII в. именно Уфа, где разместилось Оренбургское магометанское духовное собрание (ныне Центральное духовное управление мусульман России, ЦДУМ), была выбрана в качестве центра для институционализации ислама в России, у башкир закрепилось восприятие исламских институтов как сугубо татарского явления. Данное восприятие сохранялось до середины 2000-х годов. На волне неприятия «татарского ислама» в 1917 г. было создано башкирское Духовное управление мусульман, просуществовавшее до 1936 г. и возобновившее свою деятельность в 1992 г. в форме отколовшегося от ЦДУМ независимого Духовного управления мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ). Хотя создание собственного Духовного управления было поддержано башкирскими национальными организациями с целью «башкиризации» ислама, а конкуренция с ЦДУМ продолжается по настоящее время, речь идет не о влиянии религиозного фактора на этническую сферу, а наоборот, о вторжении этнонационального фактора в сферу религиозного. Именно в этой связи специалистами отмечается, что башкирское Духовное управление и в 1917, и в 1992 г. рассматривалось как один из институтов государственности суверенного Башкортостана. На фоне общего роста религиозности в стране, многократного увеличения количества исламских институтов в самой Башкирии и широкого распространения «народного» ислама как синтеза с архаическими верованиями в сельской местности с большим отставанием в середине 2000-х годов начинается обращение к исламу городских башкир, в том числе членов национальных движений. До этого этничность у городских башкир преобладала над религиозностью, а этноконфессиональное сознание и поведение не были связаны с «этнокультурным ренессансом». Именно в 2000-е годы стал набирать темпы процесс реисламизации городской башкирской молодежи и национальной интеллигенции (гуманитарных профессий), ранее ориентированной более на героизацию доисламского прошлого башкир, а также их древней религии (тенгрианство). Одновременно стало увеличиваться количество так называемых немечетных или неофициальных мусульман, не признающих авторитета официальных мусульманских институтов - ЦДУМ и ДУМ РБ. Это было вызвано как взаимной дискредитацией этих организаций в ходе борьбы за

сферы влияния, так и недовольством исламизировавшейся городской молодежи уровнем подготовки имамов, большую часть из которых представляли пожилые люди без религиозного образования, в том числе и бывшие «совработники».

В конкуренции с просалафитскими и просуфийскими джамаатами официальные структуры проигрывают из-за недостатка образованной молодежи и финансовой поддержки. В то же время параллельно развивался процесс встраивания членов просалафитских джамаатов в официальные исламские структуры в Башкирии. Фиксируется также функционирование мусульманских религиозных организаций (МРО), относимых к салафитским, в составе ДУМ РБ. Возникший в Башкирии в 2000-е годы феномен «молодых мусульман» - башкир, как правило, примыкающих к различным просалафитским джамаатам, ученые рассматривают с двух сторон: как политизацию и национализацию ислама, сращивание религиозного экстремизма на почве ислама с национализмом региональных «пассионариев», с одной стороны, и как массовый уход башкир из национальных движений в исламские из-за системного кризиса башкирского национального движения - с другой. Исследователи отмечают, что во второй половине 2000-х годов начался отток в джамааты активной молодежи из этнонационального движения.

Тем не менее в 2010-е годы идея «башкирского ислама» получила распространение. Была предпринята попытка заменить традиционные башкирские конгрессы (курултай) исламским советом (шура) башкир. Однако она завершилась неудачей - в скором времени башкир в руководстве данной исламской структуры заместили татары.

По мысли исследователя, турецкое религиозное влияние на этнополитические процессы в Башкирии представляется возможным рассматривать как серьезный фактор лишь с 2000-х годов. Хотя уже в 90-е годы XX в. были установлены контакты мусульманских организаций и рядовых мусульман Башкирии с Управлением по делам религии Турции (Диянет) и введена практика направления в эту страну с целью религиозного обучения представителей мусульманского духовенства республики. Религиозная ориентация на Турцию была обусловлена на тот момент отсутствием собственных возможностей удовлетворить спрос на исламское образование и доктринальной близостью турецкого ислама (ханафитский мазхаб), что способствовало его восприятию как традиционного и умеренного. Вот почему ЦДУМ стремилось направлять на обучение священнослужителей именно в Турцию.

В 1990-е годы в Башкирии начала развиваться сеть турецких лицеев религиозно-политического движения «Хизмет» Фетхуллага Гюлена, распространявшая среди учеников идеи сообщества «Нурджулар» и самого турецкого проповедника. Однако до сих пор не установлена степень влияния, которое «Нурджулар» и джамаат Гюлена могли бы оказать на этнополитическую ситуацию в Башкирии. То же самое можно отнести и к «Сулейманджилар» (сулейманиты) — турецкому джамаату, чья деятельность фиксируется исследователями на территории Башкортостана. Деятельность «Сулейманджилар», как и «Нурджулар», относится к образовательной сфере и носит закрытый характер. Большое внимание члены данного джамаата уделяют высшему образованию и распространению своего влияния в мечетях (в том числе через проповедническую литературу). При этом не всегда турецкое религиозное влияние оказывается успешным. В этой связи уместно упомянуть Союз башкирской молодежи (СБМ), с 1990-х годов поддерживающий контакты с турецким движением «идеалистов» (более известны как «Серые волки»). Хотя последние придерживаются так называемого тюрко-исламского идеала, СБМ всегда дистанцировался от религии. Таким образом, «идеалисты» не оказали на данную структуру ощутимого религиозного воздействия, хотя, возможно, именно под влиянием идей тюрко-исламского синтеза башкирская молодежь из СБМ в 2000-е годы начала уходить в религиозные движения.

Наиболее интересным с точки зрения влияния на мобилизацию этничности в республике представляется просуфийский джамаат Эренкёй, последователи которого известны также как топбашевцы (по имени их религиозного наставника и основателя джамаата в Турции Османа Нури Топбаша). Именно благодаря деятельности на рубеже десятилетий XXI в. лидера джамаата Эренкёй в Башкирии, директора издательства «САД» Айрата Хабибуллина, мусульманская литература начала печататься на башкирском языке многотысячными тиражами. Отличительной особенностью джамаата стало сотрудничество с национальными движениями и просалафитскими группами. Джамаат Эренкёй не поддерживал контактов с официальными мусульманскими структурами - ЦДУМ и ДУМ РБ. В то же время еще один из просуфийских джамаатов — хакканитов, сформировавшийся в Башкирии в 2010-е годы и связанный с турецким неосуфийским братством (тарикат) хакканийа, в отличие от джамаата Эренкёй, вошел с салафитами в жесткое противостояние.

Джамаат хакканитов демонстрирует упрощение традиционной обрядовости и приверженность эзотерическим практикам, однако основная его деятельность в Башкирии связана с классическим для

суфизма почитанием святых мест. Джамаат хакканитов получил широкое распространение в южных и восточных регионах республики, а среди его последователей оказалось много представителей башкирской интеллигенции, оппозиционных политических кругов, медиа, национальных организаций.

На примере джамаатов хакканитов и топбашевцев в Башкирии можно проследить запрос башкирского национального движения на суфизм. Именно утраченная суфийская традиция воспринимается как истинно народная, башкирская. Именно турецкий региональный суфизм и ислам в целом воспринимаются как близкие башкирскому и способные возродить утраченную башкирскую религиозную исламскую традицию. Однако здесь необходимо учитывать прерванность религиозной традиции в самой Турции, пережившей в XX в. период радикальной перестройки и секуляризации общества, которым сопутствовали ликвидация суфийских братств и полный запрет на их деятельность. Результатом этих процессов стала трансформация традиционных суфийских братств в Турции в неосуфийские или просуфийские джамааты как явление современного общества. В этой связи восприятие турецких джамаатов, имеющих накшбандийские корни («Нурджулар», джамаат Гюлена, «Сулейманджилар», джамаат Эренкёй и джамаат хакканитов), как истинного традиционного суфизма строится на незнании турецких исторических реалий и современных особенностей религиозной жизни в Турции.

В. Цибенко считает необходимым отметить запрос башкирской национальной интеллигенции на использование архаичного пласта народной религиозности, проявляющейся в синтезе ислама с доисламскими верованиями, т.е. «мобилизацию архаизма» или «постмодернистской архаики». Она способствует этнонациональной мобилизации и помогает бороться с религиозным общеисламским проектом, в котором башкиры как часть уммы теряют свою субъектность. Башкирское национальное движение стремится подчинить религиозные проекты этнонациональным. Одновременно идет процесс совмещения «ортодоксального» ислама с суфизмом и компромисс между салафизмом и суфизмом на этнонациональной основе, когда суфии вместе с салафитами ищут те сюжеты, которые будут актуальны именно для башкир. При этом актуализация проблемных исторических сюжетов башкир и усиление башкирского этнонационализма входят в интересы турецких джамаатов, переориентирующих башкирских мусульман на турецкий ислам и Турцию как центр тюркского и исламского мира. В целом для этнополитических процессов в республике важны традиционно большая политизированность накшбандийской ветви суфизма, зрелищность ритуалов отдельных джамаатов, привлекающая национальную интеллигенцию, и высокий мобилизационный потенциал. В условиях возрождения прерванной суфийской традиции именно Турция становится основным центром религиозного влияния для башкир, а турецкий ислам начинает адаптироваться под башкирскую среду, ослабляя, вытесняя и замещая альтернативными неформальными структурами муфтияты - ЦДУМ и ДУМ РБ. Исследователь делает предположение, что хотя сейчас национальный проект подчиняет себе религиозный, на следующем этапе баланс сил может измениться, и тогда турецкие религиозные проекты будут подчинять себе национальные. В таком случае будет существовать вероятность замещения башкирского этнонационального проекта общетюркским с выраженным исламским компонентом.

Автор реферата В.Н. Сченснович

Исламоведение. 2019. Т. 10. № 1. С. 27-40.